

Карикатурный идеал. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://leskovnikolai.ru/> Приятного чтения!

Карикатурный идеал. Николай Семенович Лесков

УТОПИЯ ИЗ ЦЕРКОВНО-БЫТОВОЙ ЖИЗНИ
(Критический этюд)

I

Есть сочинения, которые настойчиво требуют критической оценки, не по их литературному значению (которого они могут и совсем не иметь), а по свойству затрагиваемых ими вопросов и по условиям времени, при которых они появляются в свет. Таково во всех отношениях недавно вышедшее сочинение имеющего довольно своеобразную известность московского писателя Ф. В. Ливанова. Книга эта называется "Жизнь сельского священника - бытовая хроника из жизни сельского духовенства"; она мне кажется достойною разбора, которому я и посвящаю наступающие строки.

Мне, может быть, не следовало бы писать об этой бытовой хронике, потому что я сам напечатал хронику под заглавием "Соборяне"; но моя хроника представляла совсем иное время - в ней описан не век нынешний, а век минувший, - "догорящие свечи старой поповки", которой ударили час обновления. Я не намечал новых типов и, по совести говоря, убежден, что это еще невозможно: типы эти еще не выработались, не определились, и художественное воспроизведение их не может дать ничего цельного. Конечно, среди епархиального духовенства по местам обнаруживается весьма заметное и давно желанное оживление, но все это пока еще - как тесто на опаре пузырится и всходит, а мудрено сказать, каково оно выходится. Я всегда был того мнения, что воспроизведением новых типов из духовенства лучше не торопиться и подождать, но ожидание, вероятно, так утомительно, что после моих "Соборян" явились уже две хроники с "новыми попами", - одна принадлежит перу светского человека и называется "Изо дня в день, - записки сельского священника" {Этой книжке сделана была критическая оценка в "Страннике" за 1876 г. (см. рецензию Пр-пова в январской книжке, стр. 15 - 22). (Прим. автора.)}, другая - едва не погибшая в муках рождения - предлежащая нам книга Ливанова. О первой из этих книг совсем нельзя говорить, потому что автор ее вовсе не владеет знанием условий быта, который он хотел воспроизвесть; во второй же, написанной Г. Ливановым, есть и знание быта, и есть нечто иное, тоже весьма ценное: это, если можно так выражаться, субъективная объективность автора в воспроизведенном его фантазией идеале нового сельского священника. Сочинить такой идеал и такие положения, какие придуманы Г. Ливановым, может только пылкий, мечтательный семинарист, знающий скорби духовного быта, но имеющий слишком поверхностные и уносчивые понятия о средствах для выхода из области этих скорбей. Но и самые, как говорят, "фантазироватые" семинаристы, грезящие такими мечтами в свои юные годы, не доносят их до конца семинарского курса, а Г. Ливанов сохранил эти мечтания до своего солидного возраста и изданием этой книжки стремится к их распространению среди читателей, которых, по заявлению этого писателя, у него чрезвычайно много.

Его книжка, всенонечно, может быть прочитана людьми, которые заметят близкое и довольно основательное знакомство автора с одной (отрицательной) стороной бытовой жизни сельского духовенства и, может быть, не сразу отличат сильную фальшь, какая находится в других частях хроники.

Задача настоящей статьи: показать по возможности серьезность представленного в хронике "идеала нового сельского священника", его борьбы, поражений, побед и окончательного торжества. Задача эта не может быть бесплодна в наши дни, когда тип "нового человека" на месте приходского пастыря действительно формируется, но еще неясен. Самый же предмет так жив и благодаря Г. Ливанову поставлен так забавно, что читатели "Странника", конечно, не соскучатся и не посетуют за являющийся перед ними отчет об оригинальном новаторе сельского прихода.

II

История начинается в губернском городе с приездом туда из Петербурга нового архиерея Хрисанфа, который до того был в Петербурге ректором... Читателю может показаться это чем-то знакомым? - конечно, - имя архиерея и его прежнее служение с первого же раза что-то и кого-то напоминают; но таких сюрпризов впереди еще

Карикатурный идеал. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru
мною, и потому не будем на этом останавливаться.

Новый архиерей Хрисанф не говорит ректору семинарии, "как прежние" (стр. 3): "что за вздор ты несешь" и даже "дурак". Он очень мягок и благороден. – Происходит публичный экзамен, на котором присутствует, между прочим, "светская девушка, племянница советника губернского правления, Вера Николаевна Татищева". Племянницы советников губернских правлений, "светские девушки", – разумеется, "светские" только в том же смысле, как всякая девушка не из духовенства; но как автор понимает эту "светскость", неизвестно. Кажется, он ее понимает не совсем так. Тут же, на семинарском экзамене, сидят "дамы высшего круга", – они "говорили с важными господами и нюхали букеты" (5). Автор полагает, что "дамы высшего круга" все нюхают букеты и, получив малосвойственное им желание посетить семинарский экзамен, непременно и там будут "нюхать букеты". Это, конечно, свидетельствует о его полном незнании с обычаями "дам высшего круга", которых он без всякого для себя ущерба мог бы и не описывать; но это теперь модная слабость наших писателей, из коих один, вероятно, столь же, как и Г. Ливанов, знакомый со "светом", писал: "я, как все великосветские люди, встаю поздно и сейчас же иду в трактир пить чай". На экзамене отличается студент Алмазов, производящий сильное впечатление на "светскую" племянницу советника Веру Татищеву. Фамилия "Татищева" опять может показаться поставленной так же нецеремонно и неловко, как и имя архиерея Хрисанфа; но уже это у автора такая привычка, которая неизвестно куда заведет его. Студент Алмазов – это будущий герой хроники, а Вера Татищева-героиня. Обед кончен, владыка Хрисанф уезжает, но... "в городских церквях не звонят" (6). Архиерей Хрисанф тоже новый тип: он не только доступен, прост и вежлив, но он отменил и трезвон во время своих переездов по городу.

"Я не хочу, – сказал он ключарю, – чтобы о моих обедах и закусках, о моих выездах в гости трезвонили по городу"

[Нужно заметить, что Г. Ливанов, как видно, вовсе не знает того, что "трезвон" принято производить только тогда при проезде архиерея, когда он едет в церковь совершать божественную службу, во всех же остальных случаях он ездит по городу без звона. (Прим. ред. журнала)]

(7; курсив подлинника).

Отличившийся богослов Алмазов оказывается в затруднительном положении (11): он, во-первых, назначен в академию, во-вторых, влюблена в светскую девушку, а в-третьих, пред ним ежедневно почти валялся на коленях его горемыка отец, заштатный пономарь, умоляя сына не ездить в академию. Любовь ему приключилась на уроках, которые он давал в доме, где встретился с Верой Татищевою, "институткою петербургского Николаевского института" (12), которая уже "была в четырех домах гувернанткою" (13), что, пожалуй, не составляет для нее особенно хороший аттестации. Впрочем, не удивительно, что она переменила так много мест: очень уже она бойка. Богослов влюбился в нее, когда она "в качестве племянницы советника много выезжала, видела много людей и пришла к заключению, что на свете больше скверных людей, чем хороших". Тут ей пообычался Алмазов, и она "решилась, сблизившись с ним короче, развивать его"... Это развивание институткою богослова как две капли воды напоминает известные нигилистические романы, где герои прежде всего друг друга "развивали". Но как же эта шустрая девица берется за восполнение того, чего с ее возлюбленным не умели сделать профессора семинарии? – Очень просто: она исполняет это по общезвестному рецепту тех же нигилистических романов: она дает богослову читать книги Тургенева, Гоголя, Пушкина и Лермонтова, а "потом перешла к Шекспиру, Гете и Вальтер Скотту", и все кончено: "Алмазов, имея двадцать три года, вырос в год так, как не вырос бы в три года при рутинной замкнутости семинарской жизни". Так многомощна оказалась эта институтка, поправившая над богословом "тупость семинарского учения". Дело еще больше поправил ее дядя-советник: он стал "вывозить" Алмазова в свет (13), и богослов, очутившись в обществе, "блестящее которого есть круги, но умнее нет" (15), стал совсем "разносторонне развитым человеком" (14). Одно еще не ладилось: богослов хотя и был уже влюблена в Веру, но только при всем своем "многостороннем развитии" и светскости никак не мог с нею об этом объясняться; а между тем ему надо было ехать в академию, и дело могло этим кончиться. Но тут в бойкой институтке "сказалась женщина" (15), – она взяла да просто-напросто и отрезала развитому ею богослову:

"Напрасно скрываешься; вы влюблены в меня два года и теперь любите... да?"

Он, бедный, не успел ей ничего ответить, как она ему сейчас же ткнула:

"Вот вам моя рука".

Тот сначала "сжал руку", и так "прошло долго, долго", потом "сжал еще крепче"; потом "хотел поцеловать, но не решился". Бедовая девушка видит, что он опять очень долго копается, и сама "позволила ему поцеловать руку", и сама "поцеловала его в голову". Богослов и замечтал, - и полезло ему в голову, что нет ему нужды идти в академию, потому что он и так может счастливо устроиться. Он будет образцовым приходским священником, а жена его образцовою сельскою попадьею. Тут и начинают "фантазироваться" семинарские мечтания (18): "я делаю общие распоряжения, даю общие справедливые пособия (?)", завожу фермы, сберегательные кассы, мастерские, и она с своею хорошенькою головкой, в простом платье, поднимая его над стройной ножкой, идет по грязи в крестьянскую школу, в сельскую больницу, к несчастному мужику и везде утешает..." Ее обожают, на нее смотрят как на ангела, на привидение (*sic!*). Она все это скрывает от мужа, "но я все знаю", - говорит размечтавшийся богослов, - я крепко обнимаю ее и крепко и нежно целую ее прелестные глаза, стыдливо краснеющие щеки и улыбающиеся румяные губы..." Автор очень кстати здесь ставит многоточие. Развитие Алмазова, как видите, уже несомненно (21): "в нем развилась живая сила, и он уже задается задачею быть идеальным пастырем сельским и в этом найти высокое наслаждение". Вот что сделала с молодым богословом институтка Николаевского института, - она дает нам "идеального сельского пастыря", а не духовная школа, от которой мы, как показывает г. автор, ждали этого совершенно напрасно...

Пусть так: станем смотреть в эту сторону - что сулит нам в устройстве нашего клира участие "николаевской институтки". Алмазов так расходился, что сейчас же написал Татищевой записку с предложением быть его женой, и послал эту записку "с мальчиком семинаристом". Этот бедный маленький Меркурий сейчас же слетал и примчал ответ: "приходите к нам сегодня вечером, - вопрос решится". Богослов "опрометью побежал" с вопросом: "да или нет?" Ответ, конечно, был: "да", и затем решено от академии отказаться и просить места сельского священника. Институтка так и рвется быть попадьею: ее влечет к этому (22) "общий голос, который признает жен священников счастливицами" на том основании, что "семинарист вступает в семейную жизнь, не растратив сил, и бережет жену, так как другой ему не дадут". Практические соображения девушки в этом роде поддерживает одна опытная особа - "дама, урожденная княжна Шаховская, аристократка по рождению". Эта кн. Шаховская, по уверению автора, узнав свет, говорила, что "если бы только она могла возвратиться опять к девичьей жизни, то ни за кого другого не вышла бы, как за священника". Но как урожденной княжне Шаховской уже нельзя было "возвратиться к девичьей жизни" затем, чтобы сделаться "попадьею", то это делает Татищева, - она выходит за Алмазова и приносит ему пять тысяч приданого. Алмазов знал, что начальство его "неблагосклонно" смотрит на женитьбу духовных на светских девушках, но решил не отступаться от Веры, а в случае несогласия архиерея "поступить в губернское правление".

Таким образом, мы чуть было не лишились "идеального сельского пастыря" в самом начале его карьеры, но архиерей Хрисанф и советник спасли дело. Советник "с орденом Анны на шее вошел в переднюю архиерея, и лакей преосвященного встретил его как давнего знакомого" (25) и "доловил о нем". Тут в книге вставлено несколько весьма интересных замечаний об архиерейских лакеях как о весьма своеобразном и вредном сорте людей. На 26-й странице автор говорит о типе архиерейских лакеев "в манжетах и нарукауниках". Они будто бы получаются архиереями преимущественно от каких-то "вельмож" и, попав к архиереям, делаются страшными взяточниками и держат себя свысока даже перед "великолепными благочинными и протоиереями". Жизнь эти лакеи проводят такую, что г. Ливанов, изображая (27) многосторонние выгоды лакейского положения у архиереев, кратко, но искренно замечает: "блажен лакей", - но на 28-й странице он к этому добавляет: "только смотри, лакей!" Значит, есть что-то такое, что и хорошо и худо; "блажен лакей, но смотри, лакей!" - в общем, формула очень замысловатая и назидательная. Но не похожий на многих других архиерей Хрисанф и лакея имел совсем особенного: автор объясняет, что этот архиерей взял себе лакея не от вельможи, а (27) "у одной дамы", отчего выбор вышел несравненно удачнее. Алмазову разрешается жениться на "светской особе" и назначается место в селе Быкове. Происходит обручение, на которое советник пригласил "нового письмоводителя архиерейского", рассуждая, что "всегда пригодится". Предусмотрительность, напоминающая гоголевского Осипа в "Ревизоре" и, вероятно,

Карикатурный идеал. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru не совсем излишня: "все пригодится" на жизненном пути. Хрисанф хорош, а все письмоводителя не мешает иметь на своей стороне даже и при Хрисанфе... Это резон: запас беды не чинит и хлеба не просит. Потом ряд небезинтересных анекдотов об архиерейских письмоводителях, между которыми, если верить автору, совсем будто бы нет порядочных людей. Между тем во время этого пира Вера отыскивает "на кухне" своего будущего тестя и приводит его в комнаты, - богослов этим тронут и "готов упасть перед нею на колени и молиться" (35). Вера, по словам автора, все "вырастает", а при этом, надо сказать, и очень сильно огрызается: она (38) держится "в границах светской учтивости от подлых намеков", которые делают разные лица и между другими одна "губернаторская гувернантка, воспитывающая "будущего олуха". Отчего губернаторский сын непременно должен быть "олухом" - это секрет г. Ливанова, и мы не стремимся его ни опровергать, ни разгадывать, но не можем не подивиться: какую непонятную ноту держит наш странный автор? Он восстает будто бы против каких-то непочтительностей к порядкам, но сам защищает порядки весьма забавно. В десятой главе хроники у него изображается архиерейский эконом, отец Мардарий, который тоже не задачнее губернаторского сына, - он исповедует ставленников (43) "только за немалое приложение".

Поисповедавшись, Алмазов посвящается и (44) "делается батюшкою - отцом Александром, а Вера Николаевна матушкою".

На этом поворот солнца на лето, а зимы на мороз: повествование вступает в новую фазу, с которой начинается большее оживление и большая бестолковщина.

III

Молодые супруги перед отъездом из города делают визит ректору семинарии, архимандриту Вениамину, выпускавшего которого на сцену автор отмечает в его кондукте, что этот архимандрит "во время одного пожара, забывши свой сан, явился на пожарище простым христианином" (*sic!*). Почему архимандрит может "явиться простым христианином" только "забывши свой сан"?.. Это, вероятно, так, "с языка сорвалось". Выставив, однако, такую черту архимандрита, автор продолжает так (45):

"Читатель подумает: вот это будет архиерей так архиерей! Не торопись, читатель, заключением своим: в С. губернии лет восемь тому назад ректор семинарии был тоже необычайно энергичный человек. Все говорили: вот будет архиерей так архиерей! И что же вышло: сделавшись архиереем, он с трудом и отвращением подписывал даже срочные бумаги". "Что за причина такой апатии?" - спрашивает автор и отвечает: "причина та, что надо добывать "ключи Петровы", а добывши их, можно и успокоиться, да и обстановка архиерейская много ослабляет деятельность владык: "торжественные повсюду встречи, колокольный звон" и т. п. - все это, по словам г. Ливанова, увлекает архиереев "помечтать". И г. Ливанов очень интересно говорит об этих "архиерейских мечтаниях". Они будто бы для сих мечтателей (46) "несравненно приятнее консисторских протоколов, которых накапляются целые груды". Правду или неправду говорит об этом г. Ливанов - это уже его дело, - его и ответ, а мы следуем за повестью. Ректор хвалит Веру, что она "не побрезговала названием матушки", но пожалел, что Алмазов "архиереем был бы", что, надо сказать, со стороны о. ректора не совсем тонко и деликатно. Молодые супруги делают крюк и заезжают к родителям Алмазова, в село Колывань. Село это "почти дикое, и потому, когда хороший городской возок, запряженный тройкою почтовых лошадей, подъехал к маленькой, покрытой соломою избушке пономаря, то сбежалось к этой избушке чуть не целое село". Старики, поджидая гостей, решили, что они (47) отадут молодым "горницу, а сами переселятся на сеновал". Разумеется, это несколько рискованно для старых людей, так как зимою на сеновалах очень холодно; но, по счастью для престарелых родителей Алмазова, тут со временами года совершается нечто странное: свадьба и посвящение происходят вслед за выпуском студента - стало быть, по осени, едут молодые уже в "городском возке", стало быть, по санному пути, а между тем встречающие их старики хотят спать на сеновале... Все это как-то не вяжется и "не по сезону", но дальше мы увидим на этот счет нечто еще более удивительное. Обыватели "дикого села" приветствуют о. Александра с отменным простодушием: "ай-ай, Сашка, какую жену тебе бог дал"; родители суетятся, а "в это время горничная Веры, разодетая по-городски, носит разные узлы и картонки". Молодые назначают своим старикам пенсию; горничная молодых, "накормленная до пресыщения", после ужина приносит от старой попады "двуспальную кровать красного дерева", ставит ее "посреди комнаты, убирает новым бельем и подушками, вынув и шелковое одеяло для молодых"... Словом справили их

Карикатурный идеал. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru очень основательно и оставили в тепле и в холе, на двуспальной постели; а "старики" разбрелись так: пономарь пошел "на сеновал", старушка "на потребицу", щеголеватую же горничную "положили в сенцах, под пологом, чтобы ее мухи не беспокоили..." (?) Вот как все это оборотилось: куда девался и зимний "возок"; как понадобилось автору - все вдруг так потеплело, что даже в холодные сени и мухи залетали!

"Так, - говорит автор, - вошла в семью новых родителей своих (вместо мужниных родителей) Вера Николаевна", - и, добавим от себя, она вошла прескверно и неодобрительно: на первых же шагах она заняла бесцеремонно их единственную комнату; разлеглась там на кровати красного дерева под шелковым одеялом, а старииков отпустила "на сеновал" да "на погребицу".

"О, если бы все наши поповны подражали ей!" - восклицает автор. Да; но что же было тут было хорошего? Напротив, делает честь "поповнам", что они гораздо скромнее и не склонны к такому подражанию.

"Идеальный священник" с своею супругою едут далее, в село Быково (53); и по этому случаю в атмосфере опять происходит что-то непостижимое: на дворе вдруг делается "сентябрь месяц", мухи исчезают, как прежде исчез возок, и супруги Алмазовы, к немалой для всех неожиданности, въезжают уже не в возке, а в тарантас...

"Эка какой форсистый! - говорят мужики. - Чопорно очень ездит".

Да и в самом деле - и форсисто и чопорно: одну путину и на полозьях и на колесах делает. - В своем селе молодые помещаются в церковной "сторожке", которую (56) бойкая горничная "идеальной попадьи" обратила в довольно комфортабельное помещение, с "спальною за перегородкою". Опять является эта постель, кисейная занавесь с бахромою - украшением, которому, кажется, нет никакой нужды появляться на временном ночлеге с приезда, да еще в сторожке. Алмазов говорит крестьянам речь (57), открываясь в ней, что он "хочет быть пастырем добрым, душу свою полагающим за овцы свои". - Ниже мы увидим, как он это сдержит.

Положение дел в приходе г. Ливанов описывает так (60): "причетники, особенно дьяконы, почти везде недовольны священником; последний со всем своим причетом редко похвалится благочинным, - никогда не скажет доброго слова о консистории; шепотом и оглядевшись, пожалуется и на более высокую власть; опишет множество поборов, взяток, чуть не податей, которые ему нужно платить предустановленным над ним властям... То старшина с ним обращается слишком гордо, то помещик притесняет его, то крестьяне составляют против него, или, лучше сказать, против его доходов заговоры" (61), "мироеды требуют, чтобы он пил с ними - иначе поп у них останется без куска хлеба". Алмазов был не таков и за то "потерпел полное фiasco на сходе". Но все это тем для нас интереснее, что Алмазов, приехавший "положить душу свою за овцы", в качестве "идеального попа" все это превозможет и переделает по самому совершенному способу, который может нам служить образцом реформаторских фантазий рьяных нетерпеливцев вроде автора рассматриваемой нами утопии.

Пятнадцатая глава называется: "Кабинет священника", - это очень курьезно: Алмазов нанимает дом в селе за 300 рублей; употребляет 200 рублей, чтобы "поставить его на порядочную ногу", - дом имеет "зальце, хорошенъкую гостиную, женский будуар (?!), спальню и кабинет, убранный оригинально" (62). Вот эта оригинальность, или, лучше сказать, - юродство (*ibid.*): "над письменным столом своим о. Алмазов велел столяру устроить шатер деревянный, оканчивающийся крестом", и обложился книгами, - одних книг Веры "доходило числом до 200 названий", но что это за названия, автор не объясняет, хотя это очень интересно. Если можно держаться поговорки: "скажи, с кем знаком, и я скажу тебе, кто ты таков", то так же удобно сказать: покажи, какие ты книги читаешь, и я скажу, "коего ты духа", - число же книг само по себе не выражает физиономии чтеца. "Идеальную попадью" Веру Николаевну более характеризуют мелочи ее домоустройства (62): "к ней пришла на подводах рояль и все будуарные вещи". В доме явились "белые кисейные занавесы на всех окнах, ковры в гостиной, будуаре, спальней и кабинете, картины и зеркала на стенах, городская мебель". И Вера, "обозрев" дом, нашла, что все добро зело, - теперь, говорит, "можно жить по-человечески"; но только что учредилась эта благодать, как сейчас же погнал на нее грех: на "идеального" священника восстали весьма материальные врачи сельского пастыря. Отсюда начало борьбы.

IV

Вводя рассказ в эту фазу, автор говорит: "ничто так не убило духовенства в России, как унизительная система поборов" (курсив подлинника). Этим "заградили ему уста к правде" (60). На 61-й странице автор продолжает: "19 число февраля 1861 года едва ли не сделало положение сельского духовенства еще хуже прежнего". - "Новая сельская аристократия, несмотря на свое аристократическое происхождение, успела заразиться спесью бар". Алмазов вышел на борьбу с этим злом; после первой же отслуженной им обедни он является с проповедью, после которой (70) "о нем не могли уже сказать, что это поп, каких много: он прямо ударил на жизнь современную".

Чрезвычайно интересно, в чем "идеальный священник" видит из-под своего балдахина эту современность в приложении к людям сельского прихода. Это и раскрывается из его проповеди, из которой мы позволим себе сделать небольшую выписку:

"Все теперь говорят, что народ нам нужно вести к лучшему. Но что такое это лучшее? Какие тут идеи, какие начала, какие цели? Вы укажете на народное просвещение, развитие народной деятельности и так далее, а мы скажем, что если все это не основано на началах строго нравственных, не проникнуто высоким духом нравственным, если при этом не имеется в виду нравственная жизнь народа, с ее потребностями и законами, тогда все это - пустоцвет, гниль. Что такое народ? - народ есть сила живая, сознательная, нравственная. Его нельзя усовершенствовать пустыми учебниками, как машину... Хотим ли мы в самом деле, чтобы народ был истинно образованнее, гражданственнее, деятельней и крепче в своей жизни общественной, чтобы он умел хорошо пользоваться своими народными силами и правами?..." И так далее "идеальный священник" все говорит "слова, слова и слова" - слова громкие, едва ли понятные сельскому люду, - слова, привезенные из города за один подъем в зимнем возке и в тарантасе и слепленные под балдахином, который уже, видимо, приносит помеху. Не взмостись о. Алмазов так торжественно сочинять под балдахином, он бы, может быть, понял, что крестьянам совсем не нужны все эти рацей о народе и общие взгляды об образовании, и он стал бы просто-напросто изъяснять писание и вести простые - гомилетические, или нравственные, беседы, без подмеси острых специй полемики. В народе нет теоретиков, и сам автор почувствован это и должен был придумать "идеальному священнику" врагов не из крестьянства. Проповедью Алмазова обиделись (71) "помещики, бывшие в церкви", и особенно "нигилистка Кашеварова" (sic)... да, г. автору понадобилась и "Кашеварова" - иной фамилии он как будто не мог сочинить для своей "нигилистки".... Престранная эта у г. Ливанова игра с известными именами; то архиерей Хрисанф, то княгиня Шаховская, то Татищева, и, наконец, еще Кашеварова, с закрепленным за нею титулом "нигилистки"... Не хитрый, но удивительно непосредственный прием, очевидно, возможный не для всякого. Автор говорит, что "Кашеварова росла дико среди ухаживаний военного своего батюшки за деревенскими бабами и, подросши, уехала в Петербург, где возилась с медицинскими студентами, родила ребенка в каком-то подвале и, наконец, брошенная шаршавым либералом, возвратилась просвещать народ (курсив подлинника)". У нее "в комнате два человеческих скелета, карты с изображениями типов обезьян, анатомические рисунки и портреты Дарвина и Сеченова" (77). И перед всеми-то этими страстями отцу Алмазову довелось петь тропарь и предлагать к целованию крест, от чего Кашеварова отказалась и на вопрос о религии отвечала, что ее "религия - труд" (78). Словом, она, как патентованная нигилистка, в бога не верит; но тогда зачем же она приходила в церковь? - можно думать, как будто нарочно, чтобы возненавидеть "идеального священника" и отомстить ему, заставя его у себя дома петь тропарь перед скелетами, обезьянами и портретом Сеченова... Это с ее стороны очень коварно: но зачем же г. Ливанов повел своего священника в такой дом и заставил петь там перед такими страшилищами? Нынче и не "идеальные", а весьма обыкновенные, но благородные священники не навязываются с праздничными хождениями в те дома, где их не жалуют и не приглашают, и эти священники хорошо делают, что так осторожны. Зачем же идеальный священник добивался петь в доме Кашеваровой, которая его не звала петь? - Это, кажется, не резонно.

Но можно думать, что он все это делает с тем, чтобы "штудировать среду", так как его бойкая светская жена при приближении праздника сказала ему (74): "Ныне, наконец, случай тебе познакомиться с твоими прихожанами помещиками", а идеальный священник у своей жены в послушании. И вот "заложен был троичный фээтон отца Алмазова, в котором с дьяконом и пономарем он отправился по чину (?) к помещикам". - "Приехали прежде всего к Скалону (опять фамилия всем известная),

Карикатурный идеал. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru тонкому и богатому аристократу, гвардейцу в отставке". У аристократа духовных прежде всего держат в передней; потом вводят в зал, где были у хозяина гости: исправник, становой, дворянский заседатель и почтмейстер уездного города (75). "На столе закуска - и тонкий аристократ с первого же слова произнес: Водочки, отцы" (курсив подлинника). Потом побывали у Кашеваровых, у Жигаловых; у Кашеваровых видели скелеты типов обезьян и портрет Сеченова, а у Жигаловых наслушались таких разговоров (80):

"Ваш муж все еще не перестает с бабами возиться?", - спросил непременный жену Жигалова, разговаривавшую с священником.

"- Ах, и не говорите! - отвечала та, - никому спуску не дает - просто срамота. Его недавно на гумне мужики избили было за это.

- Это все пустяки, - вмешивается Жигалов. - Нет, вот когда я на службе был, - вот это было житье! - сенные девушки, когда их господа постегают, бывало, плетью... бегут прямо в суд и кричат: "Спасите, защитите!" Извольте, мол, приходить поодиночке для объяснения дела. И с каждой, как объяснишься среди пантамин... ну и будет о любви сладкой помин" (sic).

Священнику "сунули в руку 2 рубля" и выпроводили. Скромно и вежливо приняли его у одних старичков Осокиных, живших на отлете. Эти Осокины, вероятно, были "по чину" всех ниже, потому что к ним фаэтон о. Алмазова подъехал всех позже.

Идеальный священник, вернувшись домой, все это рассказал жене и на другой день едет к "нигилисту Болтину" (опять известная фамилия?), который учился в Московской петровской академии. Он принимает о. Алмазова "небрежно", а о. Алмазов рассказывает ему о своем намерении украсить получше церковь (85 и 86 - два номера на одной странице).

"Болтин, запустив в свои взъерошенные волосы пальцы рук, надменно, но с энтузиазмом сказал:

- Довольно! - чтобы не играть нам с вами комедии, я выскажусь вам откровенно: все, что вы наговорили мне о религии и о боге, - бабы сказки".

С этой резолюцией священник уезжает... Было зачем ему и приезжать!

Но вот повествование вступает еще в новую фазу: "идеальный священник" доживает до "хороших дней" (87) и начинает чудить на иной манер.

V

"чтобы быть истинным пастырем, а не наемником, Алмазов решился изучить каждый двор, каждую семью своего прихода". Простой, добрый священник делает это просто: он живет, служит, знакомится с людьми в живых с ними сношениях и не только узнает весь свой приход, но делается другом прихожан и часто врачом их совести, примирителем и судьею. Это, конечно, не часто так бывает, но никак нельзя отрицать, что такие примеры есть. "Идеальный же священник" и в этом случае поступает по нигилистическому рецепту; он "изучает" людей и ставит это для себя особою задачею. Все это у него обдумано под балдахином, из-под которого он выходит для выполнения всей процедуры изучения прихода "с памятною книжкою в кармане". Всех приемов его невозможно представить в кратком извлечении, да они и неинтересны. Довольно сказать, что и здесь, как в описании помещиков, нет никакой живой образности и художественности, а везде опять тенденциозная карикатура с одною неизменною болезненною манией везде видеть эмансипацию, нигилизм и их пагубное влияние. Так, например, мужик Васька Завертаев не любит жены и "живет с солдаткою" - событие, каких, кажется, немало повсюду; идеальный священник идет к нему в дом, чтобы его усовестить, - это прекрасно: но Васька Завертаев, выслушав "самую строгую мораль" (96), отвечает:

"- Эфто наше дело, батюшка, сами понимаем, что делаем.

- Вот в том-то и дело, что не понимаете, - отвечай священник и думал про себя: "И сюда уже спускается наша женская эмансипация".

Автор полагает, что если женатый мужик Васька Завертаев живет в связи с солдаткою, то это не оттого, что мужик Васька - просто развратный мужик. нет,

Карикатурный идеал. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru по мнению г. Ливанова, это случилось оттого, что в обществе есть возбуждение в пользу освобождения женщин от некоторых ограничений на право более производительного труда и известной, совершенно законной, независимости от деспотизма, который действительно может быть тяжек и губителен. Автору как будто кажется, что до перевода "а наш язык известных сочинений Жюля Симона и Джона Стюарта Милля в России не было и мужиков, которые не любили своих жен и грешили с солдатками. Плохой же он знаток истории России, и особенно нашего русского простонародного быта, если он полагает, что в развлечении Васьки Завертаева виновата "эмансипация женщин". Всегда были такие Васьки, и всегда они отличались тем, что чего им не представляй, "а Васька слушает да ест". Со стороны священника очень грубая ошибка относить все подобные явления к "эмансипации женщин", "нигилизму" и вообще навязывать так называемым "новым идеям" вину весьма старых грехов старых не как Россия, а как само человечество, как сам мир, от коих пор он обитаем разумными существами, низводимыми побуждениями страсти к многообразным и многоразличным безумиям. Ничего не может быть неосторожнее и вреднее, как валить все это бремя греха на одно поколение, которое будто бы могло испортить даже самую натуру человека, и притом в тех слоях общества, где все так примитивно, что самые корни пороков там кроются в грубости чувства, а не в извращении их научным отрицанием. Как мог не знать этого "идеальный священник"?

Отцу Алмазову в этом его пустомыслии есть одно извинение, что он читал книги, предлагаемые ему институткою, - прежде книг, более достойных его внимания: так, на 109 странице мы узнаем, что, познакомясь с своею паствою, после двух проповедей к приходу и избирателям гласных, он "выписывает себе из синодальной лавки книги "отцов церкви" и "действия соборов" и погружается в их чтение. - "Тут он увидел, какой непроходимой схоластикой набивали его голову в семинарии, какая необъятная бездна лежала между истинно Христовою церковью и церковью, которую выработала рутиня, и до чего посрамлена и унижена истина евангельская". Как этот чудак дочитался в выписанных им книгах до вышеупомянутого вывода, понять весьма трудно, но еще непонятнее, как священник, с отличием окончивший курс духовной семинарии, не имел понятия о "действиях соборов" и о творениях св. отцов? Если он, "погрузясь в чтение" "этих источников", и мог усмотреть в них много нового и интересного, то все-таки общее-то понятие об этом он, конечно, должен был получить в семинарии, где не скрывают же от воспитанников, что есть творения св. отцов и действия вселенских соборов?.. Как же могло случиться, что такой идеальный священник вышел таким невеждою?! Повторяем: не следует ли искать разгадки этого странного явления именно в том, что он в богословском классе своего семинарского курса сильно подпал под влияние бойкой институтки, которая развивала его по беллетристам, тогда как ему надлежало доучиваться? Это обстоятельство, на которое стоит обратить внимание, потому что ежели институтки, со слов кн. Шаховской, так заинтересовались "нерастраченностью сил" наших семинаристов, что стремятся развивать их и потом женить на себе, то желательно по крайней мере, чтобы это не мешало семинаристам доучиваться. Очевидно, надо принять какие-то меры против этих барышень... Это смешно, но что делать, если все это так, как представляет г. Ливанов?..

Однако продолжаем историю: мужик Васька написал на Алмазова донос благочинному, "человеку с претензиями на светское знакомство" и женатому "на воспитаннице, - вернее, горничной, - знатной губернской барыни-ханжи".

"Светское знакомство", оказавшее такое, по мнению автора, благодетельное влияние на о. Алмазова, - на благочинном отразилось совсем иначе: дело, значит, не в светскости, а в субъективности того, кто подвергается этому влиянию.

Так тяжкий млат, дробя стекло, кует булат.

О. Алмазов - булат, а благочинный - стекло, которое раздробилось от соприкосновения с "светом".

Благочинный этот приезжает в село и, как назло, останавливается в нигилистическом доме у Кашеваровой, где, как нам уже известно, собраны скелеты, типы обезьян, портрет профессора Сеченова и другие непозволительные вещи. Сюда призывают и Алмазова (113): "Благочинный ему едва кивнул, не вставая из-за карточного стола, а Кашеварова рассказывала благочинных о внутренностях кошек и собак - затем переходила к душе собак. Благочинных подобострастно слушала и благоговела перед Кашеваровою. Кашеварова напала было и на о. Алмазова, но он, послушавши бредни шаршавой девицы, ответил, что не след барышне заниматься

Карикатурный идеал. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru внутренностями дохлых кошек и собак, ибо это дело живодеров..." Опять очень удивительно, что о. Алмазов не знал, что живодеры внутренностями кошек и собак не занимаются и что это совсем не "их дело", но, быть может, он сказал это, потому что был очень не в духе: его рассердил благочинный, и они наговорили друг другу порядочных грубостей. Солнце и зашло и опять взошло во гневе их, и когда благочинный на другой день стал облачаться, чтобы служить вместе с Алмазовым обедню, тот заметил ему:

"Вы, кажется, вместо правила играли накануне службы в карты". Автор изобразил такую сцену, по-видимому и не подозревая, что его "идеальный священник", так зорко назирающий спицу в глазу благочинного, всегда более напоминает не кроткого служителя православного алтаря, а представленного у Рабле Панюржа, который швыряет камнем в епископа, задремавшего при обедне.

Благочинный проглотил поднесенную ему о. Алмазовым пилюлю, но зато у них возгорелось неудовольствие, для противодействия которому о. Алмазов, посоветовавшись с свою женою, описал все советнику, а тот сейчас же к архиерею Хрисанфу, у которого (121) "все шло как по мановению волшебной палочки". Этим и было все предупреждено. Архиерей сказал:

"Будьте покойны: когда донос дойдет до меня, он останется без всяких последствий".

Конечно, архиерей Хрисанф очень прозорлив и милостив, но нельзя совсем отнять значение и у советника, который весьма кстати поспевает во всех затруднительных случаях отца Алмазова. Не будь он так удобоподвижен и не раскланивайся с ним архиерейский лакей "как с старым знакомым", может быть и "мановения волшебной палочки" не были бы так благополучны затеям незримо правящей всем этим делом институтки Николаевского института.

Во всяком случае, приготовляющиеся к духовному званию молодые люди, прочитавши хронику г. Ливанова, для блага своего должны еще где-нибудь обстоятельнее удостовериться: приготовляет ли сказанное женское учебное заведение специально таких сообразительных "матерей-командирш", или это просто случайность? Ошибка в этом случае может дорого стоить.

Алмазову, однако, все становится труднее: правда, он идет очень бодро и даже задорно, но беды за ним по пятам гонятся, к чему, надо сознаться, немало поводов дает его собственная несообразительность. О. Алмазов завел, например, попечительство, которым положено было (148) "все кабаки в селе закрыть и оставить из них лишь один (стало быть, все, кроме одного) и на 1000 р., взятую за аренду этого кабака, построить сельское училище", но "против него восстали помещики Жигалов, Кашеваров и Скалон". И за что же, вы думаете, восстали? - "как смел не приехать к ним со славлением на рождество"... Чего бы, кажется, таким неверующим людям воспретендовать на это; но вот, однако же, воспретендовали! К ним присоединились еще волостной старшина, писарь и становой; на Алмазова пошел донос, грозящий ему уголовным судом; но, к счастью, на страницах хроники (156) опять замелькали имена советника, Веры Николаевны и архиерея Хрисанфа, "облеченного в правду", и дело "по мановению волшебной палочки" улаживается, к новому торжеству Алмазова. Он немножко поотдохнул и опять ринулся в бой, и притом в бой еще более отважный (165): он увидел "красных в земстве". Красные поддерживали употребление в школах книжек, изданных бароном Корфом, Водовозовым и Ушинским. О. Алмазов заговорил (167): "Пусть школа научит ученика по учебникам Корфа ловить блох; пусть ученик затвердит по Ушинскому и Водовозову всю номенклатуру естественных наук, - и познание душевных качеств свиньи и пиявки" и т. д. Но "пусть ни одна копейка земская не истребится на такие книги".

[В приведенных строках, по нашему мнению, слышится тенденциозное намерение со стороны г. Ливанова, роняя якобы значение учебников наших известных педагогов, расчистить тем самым место для его пресловутой "золотой грамоты", хрестоматии и иных прочих произведений ливановской литературной фабрики. (Прим. ред. журнала.)]

О. Алмазову возражают, и он возражает и много говорит о том, сколь многим наукам сам он учился в семинарии. На 169-й странице он подробно и пространно исчисляет все эти науки, после чего становится совсем непонятно: как он не имел сведений о соборах и о творениях св. отцов и почему считал семинарский курс "мертвящей схоластикой"? Бой о. Алмазова кончается тем, что (173) "красные в земстве

Карикатурный идеал. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru осталась побежденными".

Полнейший недостаток этого турнира заключается, однако, не в петушьем азарте Алмазова и жалкой шаткости его аргументации, а в том, что автор позабыл о председателе съезда, который на основании точных законоположений о земстве, не мог бы дозволить таких прений, какие сочинили слишком красные земские с слишком мрачным "идеальным попом" ливановского покроя. Это равно той, "одной из тысячи причин", по которым не звонили в колокола, встречая Фридриха, - причина была та, что "не было колоколов", и ее одной, конечно, весьма довольно, чтобы не было звона.

И вот опять передышка: разбив "красных в земстве", о. Алмазов учреждает приход, проповедует, учит и посещает с женой собратий своих. Вера Николаевна, которая, кажется, все знает лучше своего мужа, оказывается вовсе не знакомою с "сельскими попадьями", из которых, однако, одна сужала ее двуспальной кроватью для ночлега с супругом у его родителей. Неужто Вера Николаевна и тогда не поблагодарила даже эту добрую "матушку", которая, уступив ей свою кровать, сама - чего доброго - перевалилась ночку где-нибудь на жесткой лавочке? Но (179) "Вера Николаевна была удивительная женщина!" замечает автор. - Ее живая, восприимчивая, легко волнуемая природа могла мгновенно увлекаться и мгновенно превращаться из одного существа в другое, совершенно не похожее на первое" (?!), и она узнала "попадей", и об ней заговорили: "ну, попадя!" Все от нее без ума, и совсем не ведомо за что. Так все идет как по маслу, но вдруг опять задорины: "в сельскую школу врываются нигилисты"!

VI

Школа была превосходная: в ней "Алмазов занимался с мальчиками, - жена его Вера Николаевна обучала девочек"; а дома у них, вероятно, хозяйствовала экономка. О. Алмазовым "были выписаны картины священномученик истории Шнора и развешаны по стенам", на что он, мимоходом заметим, едва ли имел право, так как картины эти, кажется, не одобрены для сельских школ. Вера Николаевна "завела рукодельную - первые работы детские положено было начинать с украшений для образов своего дома", - "так шли дела", как "вдруг недели через три приезжает в школу инспектор народных училищ", который получил это место "по просьбе губернатора" за то, что был "исполнителем поручений губернаторши". Чиновник министерства народного просвещения тотчас же столкнулся с о. Алмазовым, а потом, погостив у Кашеваровой и повидавшись с Болтиным, "либеральный представитель министерства народного просвещения" предоставляет учительские обязанности нигилисту Болтину и нигилистке Кашеваровой и даже считает это "себе за честь". Каждый, кто имеет хотя малейшее понятие о личном составе людей, служивших по министерству народного просвещения, легко может судить, насколько это типично и похоже на дело? Алмазов летит в уездный город жаловаться на инспектора, но там ему отвечают: "что делать - время такое". Тут явная несообразность, потому что в уездном городе на инспектора жаловаться некому; Алмазов трогает губернский город: опять пошел в ход советник, и опять успешно: архиерей Хрисанф обещал "лично рассмотреть это дело".

Меж тем нигилисты свирепствуют, и в школе царят ужасы: там водворился Болтин с собакою, которая постоянно лежит у его ног, и "сумасбродная женщина Кашеварова": они встают и уходят не крестясь; дети забыли при них молиться богу, а между тем их хвалят в газете, издаваемой кем-то "с птичьею фамилиею" (по скромности не сказано: Воробьев, Соловьев, Скворцов или Галкин). Это махинации Лужина, "мещанина из канцелярских служителей" (и чина такого нет). - "К этим убийцам детей присоединяется все враждебное Алмазову и даже бывший благочинный" (205)... Вот какое "народное развращение" (sic! 204) устроил инспектор! Но пока одно дело портилось, - другое налаживалось стараниями Алмазова (215): он скоро "поздравил Вера Николаевну с больницей в селе"... Точно император Вильгельм поздравляет императрицу Августу с разгромом Франции. А тем часом наезжает и архиерей Хрисанф, и наезжает без келейника, - и потому "и (218) особых хлопот по удобрению келейника не нужно". Архиерей приехал просто и заговорил просто: "Вижу, что храм божий вы любите, но любите ли вы бога? Есть примеры, что люди строят церкви и украшают их, а все-таки плохие христиане" - "враги добра и любви". Потом он зашел в школу, увидел там Кашеварову с ее скелетом (портрет Сеченова она, должно быть, сюда не принесла) и только что возвратился в губернский город, как Болтин с Кашеваровою были изгнаны, а школа опять перешла к Алмазову. Этот опять к советнику, с просьбою об открытии двух ярмарок в его приходе, с тем чтобы доходы от этих ярмарок употребить на постройку домов для

Карикатурный идеал. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru священнослужителей. Об известном вреде ярмарок для сельских нравов о. Алмазов не подумал. Радением и, надо полагать, большим влиянием советника в губернии и это дело сделалось: Алмазов на доходы ярмарочных статей построил все дома и себе "построил еще две комнаты и украсил еще лучше дом, в котором жил" и в котором был намет с крестом над письменным столом в его кабинете. Потом он посыает "теплый возок тройкою" за своими родителями, чтобы они к нему переселились. Пономарь с пономарицею, взглянув на возок, заплакали, а когда сели и обложились подушками, проговорили: "Эко царствие-то небесное!" (224 - 225). Тепло старицам показалось - и забредили. Покатили они "с колокольчиком", что присвоено, нужно заметить, одним должностным лицам да почтовой гоньбе, и "70 верст было переехано". В Быкове дряхлому пономарю вручают "устроить хор певчих"... Надо полагать: хорош хор мог устроить "старый пономарь"... Алмазова выбирают благочинным; священник Мансветов (опять известная фамилия) говорит речь, в которой (231) признается, что он жил "не потому, что жилось ему, а потому, что хотел и старался жить". далее (232) он же заявляет, что "лет сорок тому назад и десятой доли не причащалось, что ныне". Автор, вероятно, не замечает, что, значит, дела идут не хуже, а лучше...

В новом положении о. Алмазов запирается в свой кабинет, садится под балдахин с крестом и пишет записку об улучшении быта духовенства в его благочинии, в котором, впрочем, и без того все быстро изменяется: "погребение бедного совершается точно так же, как и богатого; так и крещение, так и все; большая часть поборов по приходам упразднена; священники ни одной обедни не служат без проповеди", - словом, все поднимается и оживляется, "как по мановению волшебной палочки" архиерея Хрисанфа. - В это время Вера Николаевна рождает отцу Алмазову дочь, которую крестят благочестивый Осокин и благочестивая же г-жа Скалон.

Здесь автор, может быть, невзначай, но очень верно и зло характеризует в лице г-жи Скалон все наше "дамское благочестие". (Разумеется, если тут есть на кого-нибудь намеки, то мы не виноваты в этом ни перед одною г-жою Скалон, как и ни перед одною г-жою Кашеваровою) (238). "Супруги жили вместе лишь для соблюдения внешних приличий (г-н Скалон не любил г-жу Скалон). Жена сначала искала утешения в светских наслаждениях (?!), но когда расточительность мужа сделала их невозможными, она решилась искать религиозных утешений" ... Das ist eine alte Geschichte дамских коловорощений, разрешаемых в смысле народной пословицы: "на тебе, боже, что нам не гоже". Вера Николаевна избрала г-жу Скалон восприемницею своей дочери, тем более что муж ее на целых полгода уехал тогда за границу с своей фавориткой, одной модной разводкой, бросившей своего мужа. - Нигилизм в нашем русском обществе вступал уже в это время в "свой период". Эти положения одно другого лучше: г-жа Скалон была избрана восприемницею, "тем более" что муж ее уехал на полгода с разводкой" ... Что это значит, - почему "тем более" можно взять восприемницею женщину, которую оставил муж? Что за почет такой жене быть брошенной мужем? Она, может быть, не виновата в этом несчастье, но во всяком случае почета для нее все-таки нет. Ну, а если бы муж г-жи Скалон не уехал, или если бы он уехал менее чем на полгода, или хотя и на полгода, но не с разводкою, то что же: г-жа Скалон тогда "тем менее", что ли, могла бы годиться в восприемницы?.. Понимает ли г-н автор, что он говорит? Потом этот нигилизм, вступивший в "свой период". Но в чём же, как не "свой", период мог вступать нигилизм, и чем нигилизм ответствен за разводы и за мужей, проматывающих состояние своих жен? Очевидно, г-н автор опять совсем не понимает, что говорит, если он числится браки и разводы по ведомству нигилизма. Известный русский нигилизм этим делом не интересовался, а особенно "в свой период", когда люди этой школы были на упразднение брака, причем разводы, конечно, уже не нужны. Г-ну автору надо бы сколько-нибудь поближе знать: какое мнение имеет об этих вещах нигилизм? - тогда он не написал бы всех этих несообразностей. Но нежелание вникать в дело и неоправдимая легкомысленность, позволяющая судить о бытовых явлениях, как говорят, "с кондака", заставляет автора говорить и еще большие несообразности, даже весьма вредные, если они малосведущим лицом будут приняты на веру. Так, например (240 и 241): по словам г. Ливанова, "наше юношество представляет из себя печальный тип разочарованного и ни во что не верящего сословия (?!) молодых старииков" ... "И если вы не хотите погубить своего сына при этом направлении, то отдайте его в какой-нибудь германский университет, где разрушительные принципы нашего времени не жалуются" (sic). Автор, вероятно, хотел сказать "на разрушительные принципы не жалуются", но сказал, что сами эти "принципы не жалуются", - и он это хорошо сказал, потому что так оно и есть: "разрушительным принципам" по отношению к вопросам веры в германских университетах не на что жаловаться. Если бы г. Ливанов взял труд прочесть отчет берлинского генерал-супер-интенданта Бюкселя за 1875 год, - так он узнал бы, что

Карикатурный идеал. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru там, куда он советует посыпать нашу молодежь, "веры нет вовсе", и нет ее до такой степени, что высшее духовное лицо страны в официальном отчете печатно объявляет об этом во всеобщее сведение, прибавляя, что "это напрасно было бы скрывать". Вот куда г. Ливанов направляет нашу молодежь, - он шлет ее от нашего маловерия или слабоверия к самому полнейшему рациональному безверию и думает, что стоит за веру!.. Не значит ли это советовать людям - от дождя прятаться в воду?.. И как г. Ливанов не сообразил, что те самые Бюхнер и Фейербах, имена которых он теребит всякий раз, когда хочет назвать каких-нибудь ничтожных, не стоящих его внимания людей, - оба учились в тех самых "германских университетах, где разрушительные принципы нашего времени не жалуются". Удивительно неосмотрительный автор!

Нет, мы германских университетов порицать не станем, но что касается их религиозного духа, то по поводу его можем высказаться, переменив только одно слово в характерном ответе наших славянских предков: "не гоже нам искати веры в немцах".

Большие ошибки допускает г. Ливанов не только по богословию и педагогии, но и по кулинарному искусству, которое изучается гораздо легче, например (247), повествуя о похоронных обедах, он говорит: "после обеда ставят огромную миску и делают нечто вроде гоголь-моголя, или жженки"... Г-ну Ливанову, по-видимому, совсем неизвестно, что гоголь-моголь и жженка приготовляются совсем различными способами и вовсе одно на другое не похожи; да гоголь-моголь и не пьют после обеда, а пьют его от кашля... Конечно, это упущение не важное, но все-таки: зачем же писать вздор? Разумеется, могло быть, что кто-нибудь на похоронных проводах промочил ноги и закашлялся, ему сделали гоголь-моголь, а г. Ливанов обобщил это событие и легкомысленно внес его в свою серьезную книгу. Это ему урок.

Впрочем, вообще с г-ном автором к концу сочинения делается что-то совсем непостижимое: только что он оборвал г-на Скалона, кивнул неудачно на университеты и смешал гоголь-моголь со жженкой, как (247) вдруг ни с того ни с сего, без всякого права, берет за руку свободного человека, весьма почтенного старика, предназначеннаго к долгой еще жизни, и, не говоря худого слова, прямо толкает его в гроб. Такой жестокий и в то же время совершенно самовольный поступок (а может быть, это даже и преступление?) г. Ливанов сделал над бедным "стариком Власом", который (247)

Ходил в зимушку студеную,

Ходил в летние жары,

Вызывая Русь крещеную

На посильные дары,

и, таким образом, как оказывается, построил ту самую "быковскую церковь", при которой г. Ливанов поставил попом своего о. Алмазова. Он и Власа сделал "членом попечительства", и потом, как своего короткого человека, взял и прикончил его, - и все это единственно только для того, чтобы сделать похороны без обеда. Удивительный добряк!

"По провозглашении вечной памяти над могилою Власа о. Алмазов сказал: "Мы похоронили лучшего человека из прихода нашего" (249).

Но да позволено будет мне самым решительным образом утверждать, что достопочтенный Влас, о котором сказаны приведенные г. Ливановым четыре стиха, быковской церкви совсем не строил и никогда не был ни членом ливановского попечительства, ни их с о. Алмазовым прихожанином. "Влас старик седой", как очень многим людям достоверно известно, принадлежит совсем к другому приходу: его написал Н. А. Некрасов, который с г. Ливановым ничего вместе не строил; и г. Ливанов, собственно говоря, не имел никакого права определять куда бы то ни было чужого Власа, а тем более приканчивать его по собственному произволу и причитать над ним устами своего о. Алмазова... Все это больше чем неделикатно, - это непозволительно больше, чем бесцеремонность с именами архиерея Хрисанфа, кн. Шаховской, Скалона, Болтина, Кашеваровой и других. Г-ну Ливанову, кажется, как будто даже неизвестно, что этого совсем нельзя делать в печати, и неужто он еще ожидает, чтобы ему было растолковано: почему этого нельзя? Это очень легко может

Карикатурный идеал. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru
быть не только растолковано, но и доказано.

И далее: схоронив Власа, без всякого на то позволения у Н. А. Некрасова, г.
Ливанов так рисует "идеальное" русское почтение к памяти этого доброго
крестьянина.

О. Алмазов сказал: "Не забудем никогда его могилы, украсим ее памятником". И
"скоро по подписке между крестьянами" и т. д. "воздвигнут был каменный памятник,
выписанный из города".

Вот и видно, что Власа и уморили и схоронили люди не его прихода: Н. А.
Некрасов, редким чутьем чуявшим русскую жизнь, конечно, не стал бы учреждать на
могиле Власа "подписки между крестьянами" и не придавил бы своего легконогого
старца "каменным памятником, выписанным из города". Н. А. Некрасов, насколько мы
его понимаем, ни за что бы не распорядился так не по-русски, - потому что все
эти подписки и памятники - нашему крестьянству дело чуждое и никуда для нас не
годное, - это нам не гоже, как вера германских университетов. Г-ну Ливанову надо
бы знать, что скромному и истинно святому чувству нашего народа глубоко противно
кичливое стремление к надгробной монументальности с дутыми эпитафиями, всегда
более или менее неудачными и неприятными для христианского чувства. Если такая
претенциозность иногда и встречается у простолюдинов, то это встречается как
чужеземный нанос - как порча, пробирающаяся в наш народ с Запада,
преимущественно от немцев, которые любят "возводить" монументы и высекать на них
широковещательные надписи о деяниях и заслугах покойника. Наш же русский
памятник, если то кому угодно знать, - это дубовый крест с голубцом - и более
ничего. Крест ставится на могиле в знак того, что здесь погребен христианин; а о
делах его и значении не считают нужным писать и возвещать, потому что все наши
дела - тлен и суeta. Вот почему многих и самих богатых и почетных в своем кругу
русских простолюдинов камнями не прессуют, а "означают", - заметьте, не
украшают, а только "означают" крестом. А где от этого отступают, там, значит,
отступают уже от своего доброго родительского обычая, о котором весьма
позволительно пожалеть. Скромный обычай этот так хорош, что духовенству стоит
порадеть о его сохранении в простом, добром народе, где он еще держится; а не
то, чтобы самим научить простолюдинов заводить на "божией ниве" чужеземную,
суэтную монументальность над прахом. Но последую еще за нашим новатором.

VII

Схоронив у себя некрасовского Власа, о. Алмазов (255) уничтожает "мзду,
неприличную при исповеди"; ведет борьбу против церковного канцеляризма; отменяет
(258) и другие поборы и в то же время воюет и с нигилизмом и с расколом. Умирает
в пьяной дебоши помещик Жигалов (268): "Алмазов отказал в христианском
погребении тому, кто не хотел ни жить, ни умереть по-христиански". Эту строгость
он соблюл беспрепятственно, и пошел потом на раскольничью попа; но
раскольничий поп, с которым заговорил о. Алмазов (272), "повернулся к нему
спиной и отвечал, что "внимания не возьмет с ним и разговаривать". Впрочем, и
тут дело устроилось: о. Алмазов помолился (279), к "господь услышал его молитву;
этого подлеца (sic) схватили, связали веревками и отправили к жандармскому".

"Слава богу, - проговорил священник".

Потом опять настает отрадная тишина; жена о. Алмазова этим временем учреждает
сельских "больничных сиделок" (281), а муж ее действует на пожаре. К ним
приезжает врач Гедеонов (снова известная фамилия); Гедеонов с приезда долго "все
кланялся", а когда увидал одно прелестное создание, Лидочку Осокину в платье из
белой кисеи в розовом, с открытым лифом и короткими рукавами и голубым
фартучком, довершившим впечатление (283), его сейчас же "ошеломило", и он
влюбился по всем правилам романической теории. Пошли шептать листья и "струиться
стоячие воды" в пруде, влюбленный как бы осатанел и пришел в такое состояние,
что "бревном вдребезги окно разбил" на пожаре. "У Лидочки дух замер при этой
героической картине доктора", а "доктор и священник" все еще геройствуют "в огне
и в воде". Потом они помогают погорельцам (из попечительства дали 300 р. да
своих о. Алмазов ссудил 500 р.), а чтобы вперед было лучше, они учреждают
сельский банк и гостиный двор. И все это не только удается и спеет "как по
мановению волшебной палочки архиерея Хрисанфа", но и нимало не утомляет досужую
Веру Николаевну. Она улаживает также "дело двух горячих сердец", то есть Лидочки
и Гедеонова, и улаживает так ловко, что видевшие ее ранее этого "сельские
матушки", как видно, недаром воскликали: "ну, попадья!" Читая некоторые сцены,

Карикатурный идеал. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru как эта "матушка" сближает влюбленных, действительно не знаешь, что иное и сказать, кроме как: "ну, попадья!" или: "ну, сваха!" В октябре вся эта честная компания влюбленных и их руководителей уже пошла "гулять по гостиному двору" и закупать покупки.

В этой счастливой полосе жизни о. Алмазова в село приезжает молодой прокурор – сын Осокиных, Леонид (294), "с министерской выправкой в движениях своих". Что это такое за "выправка"? По превосходному критическому этюду покойного Н. Ф. Павлова – это что-то противное. То ли хотел сказать автор? Кашеваровы было сунулись к Леониду, но молодой юрист уже вошел во вкус своей "выправки" и отдал приказ "никого не принимать". О. Алмазов говорит проповедь – Вера Николаевна "показала себя во всем блеске своего ума" (297), и прокурор с ними сблизился, – что им вскоре очень пригодилось. "У нигилиста Болтина родился ребенок от Кашеваровой, которая работала над каким-то великим вопросом, что не мешало ей, однако, родить и ребенка" (298). Трудно понять: почему автор считает "великие вопросы" помехою чадородию? Нигилист с нигилисткою, каких невозможно встретить в природе, зовут о. Алмазова крестить новорожденного, но только так, чтобы он таинства не совершал, а "записал в метрики". Это выходит так нескладно, что не разберешь, кто здесь кого вышучивает или дурачит; но Алмазов, разумеется, отказался, и тогда происходит нижеследующая ни на что не похожая нелепость (300):

"Через полторы недели после этого состоялось крещение новорожденного: приехали какие-то две темные личности, вызванные письмами, один из Москвы, другой из губернского города, – шаршавые, грязные, с очками на носу и в поддевках крестьянских... Вечером состоялось у них крещение ребенка. Устроили жженку из вина и в вине крестили ребенка... "Это так делают наши русские в Швейцарии", – говорил один из шаршавых пропагандистов, погружавший в вино ребенка"...

"Вместо молитв таинства крещения этот шаршавый, при погружении в вино ребенка (автор твердо стоит на том, что было погружение, а не обливанство), произнес следующую речь:

– О ты, новая единица в государстве! Отселе я крещаю тебя во имя свободы, на попранье тирании правительенной! Возрастешь – бей, ломай все, пока не будешь свободен, как птица в небе.

– Аминь, – затянули хором нигилисты и начали пить жженку".

Нельзя не признаться, что это ни на что не похоже и совсем не отвечает ни нравам, ни стремлениям того сорта людей, которых Г. Ливанов желал иметь в предмете, забывая, что люди этого сорта игнорируют государство и потому не станут говорить о "новой единице в государстве". Невозможно же ведь этак представлять "бытовую" сторону, совсем не понимая быта. И потом: если нигилистам-родителям была нужна только запись новорожденного, то на что же им вся эта процедура с выпискою "двух шаршавых" для погружательного крещения ребенка в вине? Кто сказал автору, что это так делается?.. Смеем его уверить, что он кругом обманут: людям, которых он желает изображать, все равно, – крестят ли их детей или не крестят. Если бы Кашеварова с Болтиным отвечали о. Алмазову, например, так: "пожалуй, окуните его, если это вам кажется нужным, – нам это все равно, и ребенку тоже", – то это было бы гораздо более похоже на нигилистов; а теперь это просто нелепость, которая делает смешным не Кашеварову с Болтиным, а Г. Ливанова, измыслившего такой вздор, как погрузительное крещение в жженке.

Сряду после этого описано, как нигилисты закричали: "долой попов, долой начальство! Отнимем у всех подлецов капиталы и земли", но "дверь отворили, и вошел жандармский офицер с четырьмя жандармами". "Скрутили веревками паршивое стадо и, посадив на телегу, повезли прямо в острог". Прежде окунали ребенка в вино, что мало вероятно, потому что для этого нужно очень много вина и велику посуду, а теперь целое "стадо" с четырьмя жандармами увозят на одной "телеге" (301)... Это совсем что-то вроде римского огурца, который был с гору величиною. Хорошо ли идти с этакими речами через мост или лучше поискать броду?

В последнем периоде книги с карикатурной важностью описывается "настоящий русский вельможа", сенатор Обручев. Он приезжал в деревню "великим постом", то есть именно тогда, когда все наши "вельможи" по преимуществу бывают в столице и в деревнях помещику нечего делать; к Обручеву вбегает становой (303) с радостною вестью, что ему предписано "взять Кашеварову". "Отлично!" – говорит вельможа и

Карикатурный идеал. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru произносит речь против "новых идей". Речь эта велика и, вероятно против воли автора, свидетельствует о большой ограниченности вельможи, который полагает, например, что (303) "мы затоптали в грязь патриотизм", а лучшее средство себя исправить - нам остается (306) "скинуть шапку и поклониться" Пруссии, которая, по мнению автора, есть во всех отношениях "первое государство в мире", а мы "ташкентцы". Но говорящий все эти вещи "настоящий русский вельможа", к нашему счастью, лицо не действительное, а вымышленное, что и доказывается такою его несведущностью в делах (309): он хочет, чтобы о. Алмазов (построивший в это время еще приют для нищих) был "оценен по достоинству" и говорит: "если владыка будет бессилен в этом, я в Петербурге у святейшего синода за долг почту силою выхлопотать награду, вполне достойную вас". Он силою выхлопочет у синода! - Это недурно придумано г. Ливановым. Только не напрасно ли этот сильный заранее хвалится своею силою? В повествовании, однако, его "сила" взяла: Алмазов получает наперсный крест, и Вера Николаевна, всегда делавшая все чрезвычайно вовремя и кстати для своего мужа, и на этот раз является столь же догадливо и угодливо: она (310) "вдруг умерла". Укорить ее в этом совершенно невозможно, так как она уже все поприделала, а мужу ее нужна другая карьера. Кроме того, смерть ее дает повод к изображению самых душу разрывающих и в то же самое время комичных сцен. Собрались "целых 12 священников" и множество людей; "все обливались слезами, - никто не осущал слез своих... голоса клира обрывались... отпевание прерывалось" (312). "Вечную память запел клир, и снова голос у всех оборвался... Все священники несли на плечах своих гроб", и так "свершилось"... И чуть это свершилось, сейчас же являются на сцену советник и архиерей Хрисанф, и участь о. Алмазова решена: владыка ему указывает: "идти в академию и быть архиереем" (313). "Эта мысль окрылила Алмазова; он вдруг понял, что смерть жены была угодна богу именно для того, чтобы открыть ему новую дорогу в своем отечестве"... Теперь этот доблестный деятель называется Агафангелом: об нем уже "заговорили" (317), и "он в недалеком будущем на дороге к архиерейству". - Вот чего современному, идеальному священнику указывает желать г. Ливанов... Но действительно ли такой проспект жизни столь заманчив, и действительно ли современные нам священники способны им так энергично "окрыляться"?

Мы постараемся это проверить, сколько то позволяет нам сумма наших наблюдений.

VIII

Хроника кончена: "идеальный священник" совершил все, что хотел, и теперь он на новой дороге - в новом положении, которое даст автору возможность написать новую хронику о том, что учредит Агафангел, сделавшись идеальным архиереем. Это очень интересно. Прежде всего, конечно, о. Алмазов (ныне Агафангел) захочет с архиерейского места видеть повсеместно осуществление тех идеалов и той жизнедеятельности, образцом которых был он сам на месте приходского священника. Это будет как нельзя более правильно, последовательно и законно; но совсем другой вопрос: будет ли это благоразумно и удобоисполнимо?

Над этим позволим себе на минуту приостановиться и подвергнуть благонамеренную деятельность идеального священника самой краткой критической оценке.

Если статья эта попадет как-нибудь в руки самого автора утопии, названной "хроникою", то я льщу себя надеждою, что он не посетует на меня за одно - это за изложение содержания истории о. Алмазова. Не касаясь искусства и художественности, которых вообще в этой истории нет даже слабого признака и намека, я извлек из убористо напечатанной книги г. Ливанова все главные положения его сочинения и представил их в кратком изложении, позволяющем каждому читателю иметь общее понятие о хронике, рассказанной на 317 страницах. Все главное здесь сохранено, кроме деталей, сколько утомительно скучных и неискусных, столько же и не важных для суждения об изображенном идеале.

Я говорю не о хронике как о литературном произведении, а об "идеале", потому что подобные идеалы предносятся, как мне случалось наблюдать, весьма многим утопистам.

Прежде всего, чем страждет этот идеал, заключается в том, что для осуществления его нужна "волшебная палочка", без которой никакой обыкновенный смертный в положении сельского священника не мог бы настроить все то, что настроил о. Алмазов. С этим, я думаю, легко согласится всякий, кто хоть мало-мальски знаком с условиями быта русского сельского духовенства. Господин автор хроники, или, как мне кажется, правильнее сказать, утопии, не раз говорит, что теперь настало

Карикатурный идеал. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru время такого "типа священников"; но изображенный им Алмазов совсем не тип, а если уже его надо считать типом, то это скорее тип своего рода фаворита, или баловня судьбы, которому во всем счастье и удача, не по разуму и не по заслугам, а именно счастье "слепое".

Начнем с начала: он учился в семинарии, по-видимому, не совсем хорошо. Хотя он и оканчивает курс, по словам автора, блестательно, но он, однако, не знал истории вселенских соборов и был совсем незнаком с творениями св. отцов. Значит, он был и не особенно сведущ, и не отменно внимателен и прилежен, и совсем не любознательен. Словом: как бы его автор ни нахваливал, как выводного коня, мы не видим в нем тиши лучшего из семинарских студентов, которые, к счастью их, вовсе не таковы. Со стороны характера он являет какую-то плюгавость, низводящую его, студента, знакомого с философскими и богословскими науками, на степень мальчишки, подпадающего под руководство молодой гувернантки, "институтки Николаевского института", которая командует им как хочет, что и неприлично и неудобно для священника. Но, к счастью, такая смешная во всем покладливость совсем не в натуре умного семинариста, с успехом прошедшего свой довольно серьезный курс, который во всяком случае никак нельзя равнять с курсом женских институтов. Жена из институток может возобладать над мужем в своем домашнем обиходе - что и случается; но она не может учить и "развивать" мужа-священника, хотя бы и не академического воспитания. Какова бы ни была институтка, - ей нечего сказать семинаристу в его обучение, ибо он и старше ее летами и опытнее, потому что по преимуществу прошел тяжелую школу жизни, и уже, конечно, несомненно ученее и начитаннее. Если же последнее и не так, - то есть если бы у институтки перед семинаристом и оказался некоторый преизбыток начитанности, то эта начитанность по существу своему не может быть важна в такой степени, чтобы за нею признать преимущества. Это доказывается и самой хроникой г. Ливанова, потому что и его институтка, взявшись за развитие молодого богослова, не нашла ничего другого сделать, как только предложить ему чтение Пушкина, Лермонтова и Тургенева - писателей, конечно, очень хороших, но зато и небезызвестных каждому семинаристу. Притом же, ничего не отнимая от заслуженной славы этих художественных писателей, никак нельзя согласиться, чтобы чтение их сочинений было существенно важно и необходимо для человека, приготовляющегося к пастырскому служению. Такое чтение может служить в известной мере к облагоражению вкуса - и только, от пастыря же церкви требуется еще многое другое, чего чтение Пушкина, Лермонтова и Тургенева раскрыть и развить не может. Нигилисты, за которыми так тщательно следит повсюду г-н Ливанов, в этом случае гораздо искуснее и систематичнее: их пресловутые "пять хороших книжек", которые, по мнению одного автора этой школы, достаточно прочитать, действительно могут давать воспринявшему их мысли человеку известную определенную окраску. Сочинения же Пушкина, Лермонтова и Тургенева - особенно в его последней манере, едва ли могут даже подгрунтовать молодого человека таким образом, чтобы к нему пристали колера, какими хотел г. Ливанов живописать идеального священника.

Так шаток этот "идеал" в его прототипе со стороны его обхождения с наукой и литературою.

Еще шатче и жалче он перед женщиною: на многих страницах хроники институтка Николаевского института делает с этим богословом что хочет: она его не только "развивает", но она сама его на себе женит... Может быть, это произошло от незнакомства автора с институтскими типами или от иной его неловкости, но только начертанная им институтка Николаевского института является в весьма странном и неприятном для скромного взгляда виде. Начиная с ее соображений насчет благонадежности семинарских студентов со стороны их физической сохранности до привода Алмазова к решимости послать ей через маленького семинаристика записку с признанием в любви - все это говорит о недостатке в ней скромности и стыдливости, составляющих лучшее украшение молодой девушки. Чтобы жениться на такой непосредственной особе, надо иметь или много смелости и отваги, или всякое отсутствие опыта и полное неведение о настоящих качествах, которые должна иметь добрая подруга человека вообще и жена священника по преимуществу. Идеальный Алмазов ни над чем этим не задумывается: он жениится и является здесь не рассудительным молодым человеком, а влюбленным простофилем, или - как Гоголь говорил - "фетюком". По хронике выходит, что о. Алмазов, жениясь таким отчаянным манером, не был, однако, несчастлив, но это только потому, что в хронике нет ничего живого, потому что в ней не показано никакого развития и столкновения характеров супружеских со встретившими их жизнью в приходе, а просто расписано - кто что должен сделать по авторской затее. Немало удивительного тоже представляет собою и самая склонность институтки к семинаристу. Конечно, само по себе это

Карикатурный идеал. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru явление весьма редкое, и г. Ливанов сам в одном месте хроники очень справедливо говорит, что "светские девушки" не любят делать "попадьями", и оспаривать этого никак невозможно. Доля сельской "попады" во всех отношениях так непривлекательна, что не может в молодой девушке возбудить охоты посвятить себя этой бедной и полной тревог и лишений жизни об руку с человеком, для которого закрыты многие удовольствия, имеющие столько заманчивости для девицы "светского круга". Преимуществ ума и высоты характера в Алмазове до женитьбы не видно - напротив, невеста, прежде чем женить его на себе, сама его развивает и доучивает, она даже и любить-то сама его научивает. Стало быть, и с этой стороны он ее ничем пленить не мог. Остается думать, что в этом случае, вероятно, всего сильнее и неотразительнее действовала на девушку привлекательная наружность о. Алмазова да те рассудочные соображения о свойствах семинаристов, которые ею заимствованы от кн. Шаховской; но мы, благодаря предупредительности г. Ливанова, увидим, что и это предположение места иметь не может.

Женив на себе Алмазова по собственному, довольно оригинальному способу, бывшая институтка делается сельскою "попадьем", и с чего же она начинает? Прежде всего она спит под шелковым одеялом, не оставляя этого одеяла и занавесок даже на переездах, в тесной хате мужниных родителей. Это ей так необходимо, что она не конфузится, когда бедные старики, ради ее спанья под шелковым одеялом, сами удаляются из дома зимой на погребицу, чтобы не помешать невесткиной двуспальной постели... - Нет, - она даже не замечает этого нескромного и неделикатного поступка, а между тем она будто бы так ушла вперед, что уговаривается весть переписку с ректором, которому она только представлена и у которого с нею нет ничего общего. Не наглость ли это, достойная выскочки и озорницы? Дальше: она одевается в будуаре, играет на фортепиано, строит школы, больницы, гостиные дворы в селе, участвует в учреждении банков и приютов, и все это необыкновенно удачно, без всяких препятствий - без крючка и задоринки, как и следует при содействии "волшебной палочки". Автор ни на минуту не остановился перед тем, что значит завесть банк, - как его фондировать и какие дать ему операции? Какая институтка это сделать в состоянии? Также и другие навязанные этой женщине дела разве могут так легко зреТЬ, как легко их выдумывать "под балдахином"? И замечательно, что во всех этих неудобоисполнительных чертах Вера Николаевна действует, как говорили известные нигилистические писатели, "по направлению", а не по душе, не по побуждениям сердца, не по влечению благостной натуры, которой в ней нет никакой возможности уследить и заметить. Везде-то она появляется, делает очень трудные дела, которых не сделала еще ни одна "попадья", и сейчас же исчезает. Некоторый блеск совести и натуры в ней замечается только при двух эпизодах: это когда она женит на себе семинариста, и потом, когда она женит на Лидочке доктора; но и тут в ней замечается только некоторая способность ловить мужчин в женские тенета, и то самого неприхотливого плетенья. Вот в этих постройках и учреждениях и весь ее ум. Ни ее начитанности, которая бы обнаружилась в разговорах, ни благородства характера, который бы показал себя в борьбе с враждебными условиями жизни, ни живой веры, кротости и упования, которые так возвышают нравственный облик женщины, - мы в ней не видим вовсе... Замечательно, что она даже вовсе не говорит о боге, даже хотя бы в той степени, в какой приятно жить в сообществе с человеком, проникнутым идею служения божеству. Нет, она и в этом даже более цены дает экономическим заботам и соображениям о сохранности семинаристов - с точки зрения, открытой ей кн. Шаховскою...

И вот это-то будто бы "идеальная представительница духовных женщин"!.. Со храни боже!

"Духовная женщина", или, проще и яснее говоря, жена священника или дьякона у нас поставлена неприглядно: это правда. Если сравнить нашу сельскую "матушку" с женою протестантского пастора из сельского прихода, то разница будет громадна и всею своею несоразмерностью обозначится не в пользу наших матушек. Так дело стоит с вида, и таково оно благодаря различному отношению к духовенству самого общества, принадлежащего к тому или другому вероисповеданию. Положение пасторши сравнительно много лучше, и сами они много образованнее наших матушек и держат себя лучше - приятнее на вкус образованного человека, и притом очень сообразно своему положению. У нас это бывает иначе: наши "матушки" или очень просты и годны только для хозяйства, чадородия и чадолюбия, или же они желают быть "дамами". Роль первых более чем скромна, и ни одну из них нельзя укорять, что они не строят в селах гостиных дворов и школ и не учреждают банков, а только домовничают, да и то с нуждою и с горем. Это совсем не значит, что все они или большинство из них - женщины тупые, эгоистические и узкие, - совсем нет. Кто из

Карикатурный идеал. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru людей, знающих домашний быт нашего сельского клира, не знает там превосходящих по душе и по характеру женщин? Что до меня, го отвечаю, что их встречал, и знаю, и с самых ранних лет жизни любовался высоким нравственным изяществом такой попадьи, какую я старался воспроизвесть в жене Туберозова в "Соборянах" и в дьяконице Марье Николаевне в "Захудалом роде". Мне кажется, что нет мирнее и прекраснее сорта русских женщин, как хорошие женщины из нашего сельского духовенства, но их, конечно, очень трудно описывать, потому, что они по преимуществу олицетворяют собою известное положение, что "самая лучшая женщина есть та, о которой нечего рассказывать".

Но почему же во всей русской литературе так редко встречается в необезображенном виде сельская попадья или дьяконица? Почему их любят изображать робкими, застенчивыми, угловатыми, неловкими, даже неряхами и тупоумными дурочками? Потому что берут для описания одно кажущееся, одну внешность, а не скрытое от глаз духовное богатство, которое иногда бывает очень велико, и все оно изживается дома, у припека. Такая попадья не мечется подобно Вере Николаевне Алмазовой, потому что она умна, она видит свое положение и на всякие возбуждения может коротко отвечать: "мал мой двор - тесна моя улица", - буду лучше "дома смотреть".

И они "смотрят дома", и как зорко, как многополезно они смотрят! О, что бы стало в бедном сельском домике на поповке, если бы руководящая им хозяйка стала жертвовать своими прямыми обязанностями жены, матушки и хозяйки тем широким и непосильным для бедной попадьи затеям, которыми соблазняет ее г. Ливанов. Но г. Ливанов и сам это предвидел, и для того он и дал своей "идеальной" сельской попадье пять тысяч рублей приданого, фортепиано, фаэтон, возок, тарантас, тройку выездных лошадей и постель с пологом и шелковым одеялом, да еще вдобавок ко всему - дядю из советников, с которым архиерейский лакей раскланивается "как с старым знакомым" и который - о чем ему ни черкнуть, все сейчас так и повернет, как его просят... Конечно, "хорошо тому жить, кому бабушка ворожит", но много ли сельских попадей в таком положении? И даже... позволю себе усомниться: есть ли хоть одна из них, которая была бы так выгодно обставлена, что ей только и дела, что фантазировать, удивлять, сватать и учреждать все на стороне для благополучия близких? - Нет таких, да и быть их не может, именно потому, что наше сельское духовенство в большинстве очень бедно, и приданые пять тысяч рублей в духовном быту большая редкость, да и то не в селах. Без средств же попадье впору думать только о муже, о детях и о домашнем хозяйстве, и если она это делает как следует, то... она делает свое дело, и спасибо ей. Тогда успокоенный ею муж будет спокойно совершать свое трудное служение, находя дома отдых и одобряющее слово участия, ее дети будут расти досмотренными, в добром правиле и добром здоровье; ее дом будет светел и чист, и все знающие ее станут называть ее "матушкою" с чувством истинного почтения. - Вот что нужно прежде всего, а остальное все будет и преизбудет, когда к тому на русской поповке явится возможность, зависящая от других, очень серьезных причин.

Г-н Ливанов слишком опасный новатор: он с своею хроникою взылил женщин духовного сословия точно так, как взылили ее известные романисты той школы, которую сам г. Ливанов называет нигилистическую и подвергает ожесточенному преследованию". И тут, как и там, женщина была соблазняема эффектною грандиозностью общественной деятельности и отрываема от дома и от всех ближайших занятий, составляющих ее основное призвание. На женщину опытную и искушенную жизнью это, конечно, не подействует, но молодые матушки и подрастающие их дочки, бог весть, может быть и способны увлекаться примером Веры Николаевны, который так же соразмерен, как пример Веры Павловны из романа "Что делать?", с тою разницей, что там все сделано без сравнения умнее и занимательнее. Но план один и тот же.

К чему же это, однако, может пригодиться? - к тому ли, чтобы напрасно взволновать покой молодой девушки или молодой попадьи возбуждением в ней бессильных желаний строить гостиные дворы в селах и делать другие несообразности, или к тому, чтобы внушить молодым людям, что они должны стараться жениться только на институтках Николаевского института с придаными не менее пяти тысяч рублей и с случайными людьми в родстве? Прекрасно; но тогда что же ждет бедных девушек из духовенства, у которых нет ни пяти тысяч рублей, ни дяди советника, знакомого с архиерейским лакеем? Улучшилась ли или ухудшилась бы их участь, если бы проводимая г. Ливановым тенденция возобладала? Не позволительно ли его спросить:

Карикатурный идеал. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru
Кто ты - их ангел ли спаситель

Или коварный искуситель?

По-моему, он действует как змий, соблазняющий скромных Ев нашей сельской поповки, и совет его не опасен разве только потому, что он очень нелеп.

Что же касается до другого вида наших матушек - матушек-«дам», которые принадлежат к городским обывательницам, то о них г. Ливанов рассказывает много дурного, и, кажется, не совсем несправедливо. Но во всяком случае они как, по уверению г. Ливанова, не хотят слушать своих мужей, так точно не захотят читать и книгу г. Ливанова. Этих «дам», которые от одного берега отбились и к другому не пристали, ничто не переделает и не исправит. Но, быть может, большая или меньшая суэтность этих «дам» в сегодняшнем строе жизни городского духовенства еще и не самое тяжкое зло, какого можно ожидать от них, если бы ими овладела страсть к общественной инициативе. Г-н автор, вероятно, не знает, что примеры в этом роде уже есть и что злополучные мужья-священники, имеющие несчастье видеть это метание своих половин, весьма охотно помирились бы с «меньшим злом» в жизни, то есть с обыкновенною женскою суэтностью, которая по крайней мере хоть с годами проходит или изменяет сколько-нибудь свой острый характер, между тем как реформаторское метанье закруживает голову так капитально, что она уже никогда не в состоянии раскружиться. И сия вещь горше первыя.

Русскому священнику нет никакой нужды в жене с общественною инициативою: в молодых, да и в не совсем молодых, современных русских духовных лицах очень достаточно доброй инициативы, - им нужны в женах разумные, добрые подруги на их весьма часто тернистом пути, а такими подругами бывают женщины сердечные, которые водятся в жизни не теоретическими рассудочными соображениями, а побуждением горячего чувства. Оставьте священнику хоть этот угол, где он может отдохнуть усталою головою и взволнованным сердцем от тревог и унижений, которых так много на его житейской тропе.

Мне весьма не хотелось бы, чтобы мои слова были поняты так, как будто я считаю несовместным с положением жены священника более широкого образования и более широкой деятельности, - совсем нет: я не хотел бы только на моей родине, особенно в бедных ее селах, таких «идеальных матушек», как та, которая изображена г. Ливановым. Я не считаю удобным для священника этих инициаторш, подобно ей выдвигающихся везде на первый план и как бы стушевывающих мужа. Скромная женщина, которая только дала бы «святой покой» мужу, священнику гораздо полезнее этих учредительниц и строительниц, свах и музыкантш, «исполняющих труднейшие пассажи» и нуждающихся в отдыхе под шелковыми одеялами. Словом, я расстаюсь с Верой Николаевной без малейшего сожаления и не понимаю, для чего так страшно плакали о ней несущие ее гроб двенадцать священников? Мне кажется, им бы надо было бояться, чтобы и их жены, увлеквшись ее примером, не захотели строить гостиные дворы и банки, а им, своим мужьям, запрещать брать «неприличную мзду» за требы. Чем бы они, бедные, стали тогда жить и в каких фаэтонах скакать в погоню за нигилистами? Худо было бы этим двенадцати священникам, если бы все их жены начали тоже строить...

В оправдание автора, который вздумал соблазнить женщин русского духовенства таким неподходящим типом, можно сказать только одно, что новый положительный тип молодой женщины, находящейся в замужестве за священником, в наше время не выяснился: он еще вырабатывается среди многообразных и, смею думать, благотворных движений в бытовой жизни клира; но в таком случае, пока он не обозначается, незачем его и измышлять и описывать, потому что всякое измысление не будет тип, а будет выдумка, и если она неискусна, то из нее выйдет карикатура, - что и вышло из «идеальной попады Алмазовой».

Теперь поговорим о самом муже, которого эта догадливая женщина «окрылила» своею смертью, и взвесим, по возможности, тяжеловесные достоинства этого идеала.

IX

Отец Алмазов гораздо проще своей жены. Нужно заметить, что эти супруги похожи не на живые лица, а на марионетки, двигающиеся по разводам, сочиненным автором для выражения его планов. Но в жене о. Алмазова есть по крайней мере еще нечто свое (хотя и нехорошее). Это - известная развязность, юркость и кокетство довольно дурного тона. Но в самом «идеальном священнике» нет и того; он уже совсем

Карикатурный идеал. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru автомат, действующий без всякого подобия живого человека. Автор сочинил ему проповедь, - он говорит; назначил ему построить то и другое, - и он все это строит; завел его ссориться с "взбалмошной нигилисткой Кашеваровою", - и он ссорится; поставил его на молитву, - он молится, и бог будто слушает его молитву, вследствие которой являются жандармы и вяжут и нигилистов и раскольников. Словом, как все это намечено автором по плану его утопии, так все и делается, "как по повелению волшебной палочки". От этого тут нет ничего живого - ни следа драматического развития даже и в тех положениях, которым автор нарочито усиливается дать драматический характер. Только порою они оживляются тем, что переходят в смешное, как, например, когда о. Алмазов едет в возке, обращающемся в тарантас, когда он поет тропарь в виду скелетов и портрета Сеченова, когда по его молитве вяжут его врагов, или когда двенадцать священников несут гроб его жены и льется море слез, а петь никто не может. Своей инициативы, знания действительных нужд народа и сельского неустройства нет вовсе. Из мужиков, которые вчера были грубияны, кляузники и пьяницы, - в три года являются люди, вошедшие во все главнейшие фазы цивилизации. Это не повествование, а фокус, и в этом случае немецкий поэт Гейне гораздо обстоятельнее нашего автора: тот говорил, "что мужика прежде всего надо вымыть", а о. Алмазов так идеален, что возгнушался этой заботы, и, строя гостиный двор, по которому глубокою осенью гуляла его жена, он не вздумал даже построить в селе сносную баню, которая на первый случай была бы гораздо необходимее гостиного двора. Но ему все равно, и о соображениях его и способностях нельзя судить по его постройкам: если бы его село было при море, он бы построил и маяк и сам бы зажег его светоч; если бы не умерла его жена и он не "окрылился" бы затем в архиереи, то он построил бы полицию и каланчу для надзора за тайными движениями нигилистов, - словом, это своего рода "белый бычок", сказка про которого может быть и докучна и бесконечна. ЦениТЬ его не за что, потому что он не является никаких личных сил, обнаруживаемых в борьбе, а автор делает им какие хочет ходы на доске - и только, и Алмазов послужен ему, как пешка. Весь он построен на вздоре - на случайной женитьбе с приданым, а отнимите у него это приданое, и сам он тотчас же обращается в совершенный вздор: ему не на что будет строить постройки, одолжать погорельцев, ездить то в возке, который оказывается тарантасом, то в фаэтоне, который, надо заметить, совершенно неудобен для езды по проселочным дорогам. Все дело в этих деньгах, и без них не могло бы быть ничего описанного в этой истории. Без них сей "идеальный священник" был бы очень прост: он ездил бы в простой кибитке, сидел бы не под балдахином с крестом и, разумеется, брал бы преблагополучно "неприличную мзду" за требоисправления, и, может быть, вышел бы через это лучше. Занятый работами, он не мешался бы в не свойственные ему полицейские дела, думал бы больше о своем поле, не молился бы о наказании раскольников и нигилистов и не дерзал бы комментировать суды божьи, как он сделал это, когда (313) "вдруг понял", что жена его умерла "именно для того, чтобы открыть ему новую широкую дорогу". (Бедная жена!)

А потому о. Алмазов не разбираем и не судим: этот автомат как был, так его и нет; но за него должен быть судим автор, стремления которого представляют непостижимую путаницу. Против чего он ратует, за что хочет стоять? В начале хроники можно подумать, что он самый крепкий консерватор церковных порядков *in status quo* {в существующем положении вещей (лат.)}; он заявляет довольно прямо, что не любит новаторов, - но это не так. Оказывается, что он сам тоже хочет обновления, но только не в том спокойном духе, в каком оно уже и совершается в епархиальной жизни почти по всей Руси. Нет, - он хочет реформ с судорожным метанием за нигилистами, в союзе духовенства с жандармами и прокуратурою... Подумал ли автор и его герой и героиня: коего они духа? Читая, как его "идеальный поп" отрекается от доходов за себя и за своих церковников, которые его к тому не уполномочивали, вы можете подумать, что он либерал и друг народной нравственности, - но и это не так. Автор не медлит опровергнуть это мнение удачными хлопотами об учреждении ярмарок, служащих местом разгула и разврата. Автор - против эманципации женщин, но его попадья сама эмансирирована в весьма дурном смысле, потому что она порою доходит даже до изрядного бесстыдства, к которому отнюдь не ведет здоровая эманципация. Автор обличает беспорядки архиерейских домов, и в то же время успехи своего героя у архиерея Хрисанфа ставит в зависимость от случайного знакомства с ним дяди своей жены - местного губернского советника; он после обличения архиереев не без некоего прозрачного намека указывает на правило древней церкви... и потом говорит, что нужны архиереи-монахи, к чему и доспевает его "окрыленный смертью жены" герой; он много пишет о звоне в колокола во время архиерейских переездов по городу, делает по этому случаю разные намеки и вообще смеется над этим, а между тем без крайней необходимости и к явной несообразности (316) заставляет звонить в колокола

Карикатурный идеал. Николай Семенович Лесков leskovnikolai.ru сельской колокольни, когда уезжает в своем фаэтоне овдовевший священник Алмазов (тогда еще даже и не Агафонгел). Чего ради случилась эта невозможная нелепость - даже и понять нельзя. Могли ему все "кланяться в ноги", могли "две версты" бежать за его фаэтоном, "запряженном почтовыми лошадьми", - все это утирировано, но еще, пожалуй, возможно; но звонить в колокола... Чем он мог внушить людям такую диковинную фантазию, - разгадать так же мудрено, как то, чем он внушил глубокую, по-видимому, страсть практической институтке Николаевского института. Всеконечно, он имел в себе что-нибудь такое, внушающее к нему и особенную любовь и особенное почтение: в тексте книги это, правда, не усматривается, но к экземплярам книги прикладывается отдельная виньетка, где в ярко-красной кайме помещен "портрет студента Алмазова". - Но это довольно грубо выполненное политипажное изображение замечательно только некоторым сходством с портретами г. Ливанова. Не в этом ли сходстве должно искать причину, почему ему начали звонить еще прежде, чем он сделался архиереем?

что-то будет после?

X

В заключение еще два слова о необыкновенном литературном приеме с именами архиерая Хрисанфа, разъезжающего с визитами к дамам, кн. Шаховской, "по опыту" полагающей аттестацию сохранности мужчин из духовенства; "сумасбродной женщины-нигилистки Кашеваровой"; дурного мужа Скалон, Болтина и других... Разве это позволительно в какой-нибудь стране, где известны хотя мало-мальски литературные приличия? Что сказал бы г. Ливанов, если бы в печати появилась бы какая-нибудь грязная история и героем ее был выведен человек, носящий его фамилию?.. Надо думать, что это ему было бы несколько неприятно, и он имел бы полное право назвать это большою неделикатностью и даже грубостью. И это и есть большая неделикатность, которую весьма бы желательно вывести из обычая. И, наконец, о выходке по поводу портрета Сеченова: неужто г. Ливанов серьезно думает, что портрет профессора Сеченова, весьма обстоятельного ученого, известного даже за пределами России, есть вывеска какой-то непорядочности в доме, где этот портрет поставлен на видном месте? Позволительно ли такое обращение с именем ученого человека, делающего не бесчестье, а скорее честь своей родине! И за что же это: не за те ли "рефлексы", где после интересных наблюдений делаются интереснейшие выводы и предположения? Что же в этом за вина и какие и перед кем преступления? И если не допускать этого, то как иначе можно двигать какую-нибудь науку, не только такую, с какою имеет дело г. Сеченов, а даже хоть, например, библейскую критику, с которой имеет дело известный Бодиссан, прилагающий строго критический метод к своим исследованиям о единобожии евреев. И что же: оскорбляет ли это истинно верующих и истинно ученых? - Нимало. В одной прекрасной статье, помещенной в духовном журнале о трудах Бодиссана ("Православное обозрение", месяц апрель 1877 г.), читаем: "человеку суждено подходить к истине путем более или менее окольным. Любовь к истине так велика, что где не хватает силы ума, человек готов призвать на помощь фантазию. Но это не отнимает нашего права на благодарность к тем труженикам науки, которые из любви к истине увлекаются, чтобы уяснить то, что не ясно", и т. д. Вот правильное отношение к трудам ученого, даже в том случае, если увлечения его очевидны, чего, впрочем, г. Ливанов по отношению к исследованиям профессора Сеченова не доказал, а только старается свести к чему-то недостойному внимания и сообщества порядочных людей...

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://leskovnikolai.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!